

A full-page background image showing a worker in a dark, industrial setting. The worker is seen from behind, wearing a dark jacket, pants, and a hard hat. They are standing on a wet, reflective floor. In the background, there are large pipes, valves, and a tall structure emitting a large, bright fire. The sky is dark and smoky. The overall atmosphere is industrial and somewhat ominous.

Владимир Кожевников

Норма расхода

Владимир Кожевников

Норма расхода

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Норма расхода / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

Ангарск, 1988 год. На химкомбинате годами занижают нормы расхода, сжигая излишки в факеле. Город задыхается, но все привыкли. Новый инженер по безопасности Александр — на самом деле Мария, эколог из 2041 года. Она знает: через три дня произойдет авария. Ей никто не верит. Директор считает экологию капризом богатых стран, бухгалтер молится на отчеты. Лишь несколько рабочих тайно ведут журнал наблюдений. Когда факел начинает пульсировать, Мария вручную стабилизирует горение, спасая завод от взрыва ценой здоровья. Но подвиг без разрешения — преступление. Начинается война с системой, где единственный шанс — отчаянная журналистка. Мария побеждает: Москва выделяет квоту на установку утилизации. Но радость горчит: она знает, что СССР скоро рухнет, а завод встанет. «Норма расхода» — о цене правды, когда будущее известно, но неотвратимо.

© Кожевников В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Запах денег	5
Глава 2. Чужое тело	7
Глава 3. Отдел техники безопасности	9
Глава 4. Библиотека	11
Глава 5. Кабинет с видом на факел	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Владимир Кожевников

Норма расхода

Глава 1. Запах денег

Ангарск втягивал в себя приезжего, как пылесос втягивает сухую листву — безжалостно и с хрустом. Город, выросший на болотах и аммиачных выбросах, не признавал полутонов. Прямые проспекты, серая штукатурка панелек, и над всем этим — вечный купол смога, подсвеченный изнутри огненным маревом факела.

Александр стоял у проходной Нефтехимического комбината, потирая замерзшие пальцы. Внутри этого тела — широкоплечего, сорокалетнего, с вьевшимся запахом машинного масла на ладонях — металась Мария. Специалист по замкнутым циклам экономики из 2041 года. Человек, который знал, что через пять лет этот завод назовут «экологической бомбой замедленного действия».

Зачем я здесь? — этот вопрос она задавала себе каждое утро. И каждый раз не находила ответа. Точнее, находила слишком много ответов, и все они ей не нравились.

Это случилось во время испытаний экспериментальной установки по моделированию замкнутых циклов: сбой, яркая вспышка, ощущение падения в пустоту. А потом — резкий запах машинного масла и металлический привкус во рту. Чужое тело. Она поняла это не сразу: сначала были только боль в висках, тяжесть в плечах и странная, непривычная ширина грудной клетки. Потом — зеркало в общежитии, отражение мужчины с усталыми глазами и щетиной, и осознание, ледяное и безжалостное: это теперь она.

Поначалу всё было невыносимо. Грубая кожа с вьевшимся запахом масла, тяжёлая нижняя челюсть, которую приходилось поправлять, когда она забывалась. Низкий голос, отдающийся вибрацией в груди — совсем не так, как её собственный, высокий и звонкий. Ноги, слишком длинные и массивные, из-за которых она первое время спотыкалась на ровном месте. А уж необходимость бриться каждое утро стала отдельной пыткой: чужое лицо в зеркале, жёсткая щетина, и тихий шорох лезвия, который звучал как приговор.

Но самым странным было ощущение чужого тела как своего. Мозг Александра, его мышечная память, его привычки — всё это осталось, но сознание принадлежало Марии. Она чувствовала его силу, но не умела ею пользоваться. Чувствовала его боль, но не знала, откуда она. И каждое утро, просыпаясь, она заново привыкала к тому, что теперь она — мужчина.

Вдох. Ноздри обожгло. Воздух был тяжелым, липким. Сероводород щекотал рецепторы, бензол отдавал сладковатой гнилью, где-то на грани восприятия угадывался хлор. Местные называли эту смесь «запахом денег». Если принюхаться, пахло не деньгами, а отсроченной смертью — медленной, растянутой на поколения.

— Чего застыл, Петрович? — вахтер выглянул из будки, протирая стекла очков грязным платком. — Опять факел лютует с утра. Чувешь? Привыкай, тут все к этому привыкают. Вон, у гастронома с шести утра очередь за молоком. Это тоже из-за него, — он кивнул в сторону столба пламени. — Говорят, коровы в пригороде траву жрать отказываются.

Александр кивнул. Мария внутри него стиснула зубы. Привыкать она не собиралась.

Завод гудел, как разбуженный вулкан. Компрессоры выбивали дробь, пар со свистом вырывался из фланцев, оседая на ржавых конструкциях белесой пленкой. Трубопроводы, опутавшие цеха, напоминали застывшие щупальца гигантского спрута. И в центре этого металлического хаоса — он. Факел. Столб пламени высотой с девятиэтажный дом, ревущий, плюющийся сажей.

В отделе техники безопасности пахло пылью, табаком «Прима» и чем-то кислым — не то реактивами, не то застарелым потом.

— Соколов, — представился сухой, как телеграфный столб, мужчина в застиранном синем халате. — Введу в курс. Только сразу предупрежу: не лезь в нормативы. Там, — он кивнул на запертый шкаф, — цифры, которые всех устраивают. Понял?

Мария почувствовала, как сердце Александра пропустило удар. Это был не страх — азарт. Она слишком хорошо знала природу этих «удобных цифр». Приписки. Занижение расхода сырья. И как следствие — избыточное давление в системе, которое стравливается прямо в атмосферу через тот самый факел.

— Покажи журналы за последний квартал, — голос Александра прозвучал ровно, но Мария вложила в него всю свою профессиональную въедливость.

Соколов прищурился, раскуривая папиросу прямо над столом:

— Сразу в бой? Похвально. Только ты это... на факел сперва посмотри. Полюбуйся. Он у нас главный «потребитель» газа.

Александр подошел к окну. За грязным стеклом, за паутиной труб, в серое небо бил огненный столб. Оранжевый, с траурной каймой копоти, он трепетал на ветру, как флаг безумного государства, в котором единственной константой было уничтожение. Сгорали тысячи кубометров сырья. Пропан. Бутан. Пентан. Всё, что можно было пустить в переработку, обрачивалось теплом для ворон и ядом для детских легких.

— Красиво, — прошептал Александр, и Мария мысленно закончила фразу: красиво горит наша общая могила.

Вечером он шел домой по проспекту Мира. Небо давило на плечи желто-серой тяжестью. Снег по краям тротуаров отливал ржавым налетом — металлическая пыль, осевшая вместе с туманом. У гастронома действительно толпилась молчаливая очередь; люди переминались с ноги на ногу, пряча лица в воротники. Редкие прохожие шли быстро, втянув головы в плечи. Никто не смотрел вверх, где над крышами продолжал свой неистовый танец факел.

Мария знала: у нее есть время. Не дни — недели. Но факел напомнит о себе раньше, чем все думают.

Глава 2. Чужое тело

Утро началось с бритвы. Александр стоял перед зеркалом в тесной ванной общежития и смотрел на чужое лицо. Щетина за ночь стала жесткой, как проволока. Мария вздохнула, намылила щеки, взяла станок.

— Осторожнее, — прошептала она себе. — В прошлый раз порезался.

Лезвие скользило по коже, оставляя полосы чистой плоти. Она вспомнила, как в 2041 году бритье было автоматическим — нано-лезвия с сенсорным контролем, без единого пореза. А здесь — старый советский станок, который нужно держать под правильным углом, иначе оставит глубокую царапину.

Она порезалась. Тонкая струйка крови потекла по подбородку.

— Черт, — выругался он низким голосом Александра.

Это было странно — ругаться голосом мужчины. Слова звучали иначе, глубже, весомее. Мария прижала к порезу кусочек газеты, посмотрела в зеркало. Из отражения на нее смотрел усталый сорокалетний мужчина с серыми глазами.

Кто ты, Александр? — подумала она. — Кем ты был до того, как я заняла твое место?

Вечером она нашла под матрасом старый конверт. Внутри — фотография женщины с ребенком, пожелтевшая, с загнутыми углами. На обороте надпись: «Саша, не забывай нас. Лена и Сережа». И все. Ни писем, ни дневника. Только фотография, которая ничего не объясняла.

У Александра была семья, — поняла Мария. — Или есть?

От этой мысли стало не по себе. Она заняла тело человека, у которого, возможно, есть близкие. И она ничего о них не знала.

Одевался Александр медленно, потому что Мария все еще не привыкла к мужской одежде. Грубая ткань, жесткие швы, брюки сдавливали талию, рубашка натирала шею. В 2041 году одежда была саморегулирующейся — подстраивалась под температуру тела, отводила влагу. Здесь всё было чужим.

В общей кухне пахло пригоревшей кашей и хозяйственным мылом. Соседка, пожилая женщина по имени Клава, налила чай, пододвинула тарелку.

— Что-то ты бледный, Петрович, — сказала она, разглядывая Александра. — Не заболел?

— Нет, — ответил он. — Просто устал.

— Ну-ну, — Клава покачала головой. — Ты ешь, не стесняйся. На заводе силы нужны.

За едой Мария думала о том, как справляться с бытовыми мелочами. Мужской туалет — отдельная проблема. Она до сих пор вздрагивала, заходя туда: писсуары, резкий запах, отсутствие кабинок. Приходилось ждать, пока никого не будет, и запирались в единственной кабинке.

После завтрака Александр вышел на улицу. Город просыпался медленно. Люди шли на работу, кутаясь в серые пальто. У гастронома уже собралась очередь за молоком.

Он шел и смотрел. Не на дома, не на вывески — на людей. Они были другими, не такими, как в 2041-м. Более усталыми, более замкнутыми. Они не смотрели друг другу в глаза, не улыбались. Просто шли, глядя под ноги.

Мария заметила, что звуки здесь были громче, резче. Мужской слух улавливал низкие частоты, от которых раньше она бы не вздрогнула. Запахи тоже были другими: более грубыми, насыщенными. Бензин, табак, мокрый асфальт — все это било в ноздри с незнакомой силой.

Это не жизнь, — подумала она. — Это выживание.

Она вспомнила, как в 2041 году люди на улицах общались свободно, смеялись, обнимались. Здесь же все были застегнуты на все пуговицы — и в прямом, и в переносном смысле.

Вечером, вернувшись в общежитие, Мария села за стол и достала блокнот. На первой странице написала: «Завод. Хронология. Что я знаю и что нужно сделать».

Потом подумала и дописала: «И как выжить в теле мужчины, не сойдя с ума».

Она закрыла блокнот, положила рядом фотографию Лены и Сережи. Чужое прошлое смотрело на нее с пожелтевшего снимка.

Я не имею права сдаваться, — подумала она. — Ради них. И ради всех, кто здесь живет.

Глава 3. Отдел техники безопасности

Отдел техники безопасности располагался на втором этаже административного корпуса, в конце длинного коридора с выцветшими зелеными стенами. Александр поднялся по лестнице, стараясь не выдать волнения. Сегодня — второй рабочий день для неё. Мария понимала: нужно не просто осмотреться, а запомнить каждую деталь — расположение кабинетов, имена, лица, интонации. Всё это могло пригодиться позже.

Кабинет Соколова был тесным, с одним окном, выходящим на газгольдер. На стенах висели пожелтевшие плакаты по технике безопасности: «Не стой под грузом!», «Проверь заземление!», «Береги глаза!». На шкафу пылился старый противопогаз с треснувшим стеклом.

Соколов сидел за столом, заваленным бумагами, и курил. Запах «Примы» смешивался с запахом пыли и старой краски.

— Заходи, — буркнул он. — Садись. Будем знакомиться с хозяйством.

Александр сел на стул. Соколов подвинул к нему кипу папок.

— Вот должностные инструкции. Вот журнал учета. Вот положения по технике безопасности. Изучай.

Он кивнул, открыл первую папку. Соколов наблюдал, щурясь сквозь дым. Его лицо, изрезанное морщинами, ничего не выражало.

— Ты, я смотрю, серьезный, — сказал он. — Это хорошо. Только не переусердствуй.

Александр поднял глаза.

— Что вы имеете в виду?

— То и имею. У нас тут свои порядки. Ты человек новый, тебе трудно понять. Но запомни: не суй нос туда, куда не просят. Целее будешь.

Мария промолчала. Соколов выпустил струю дыма, затушил папиросу в жестяной банке.

— Ладно. Иди в цех. Посмотри, как работают. Но без фанатизма. К вечеру жду отчет.

Александр вышел из кабинета. В коридоре пахло хлоркой и мастикой. Он остановился у окна, посмотрел на факел. Тот горел ровно, но Мария заметила в его пламени едва уловимую дрожь — как человек, который сдерживает кашель.

Он спустился вниз, надел каску, пошел в цех. Первое, что бросилось в глаза, — грязь. Ржавые трубы, подтеки масла, мусор, накопившийся за годы. В 2041 году заводы были стерильными: роботизированные линии, автоматический контроль, минимум человеческого участия. Здесь всё было ручным, грубым, изношенным.

Рабочие смотрели с недоверием. Новый инженер — это всегда проверка. Александр проходил мимо, ловя на себе хмурые взгляды. Мария чувствовала, как внутри растет тревога, но старалась держаться спокойно.

У одной из колонн он заметил группу рабочих. Они перекуривали, о чем-то тихо переговариваясь. Среди них — мужчина с багровым шрамом через бровь, тот самый Степан. Он не смотрел на Александра, но Мария знала: он заметил.

Когда Александр проходил мимо, один из рабочих, молодой парень с грязным лицом, вдруг громко сказал:

— Гляди, новый охранник пришел. Будет нас от смерти спасать.

Остальные засмеялись. Смех был невеселый, с горьким привкусом. Александр не обернулся, но Мария запомнила эти слова. Они были точнее любых отчетов.

К вечеру он вернулся в отдел. Соколов все так же сидел за столом, но теперь перед ним лежала раскрытая тетрадь.

— Ну? — спросил он. — Что скажешь?

— Много нарушений, — ответил Александр. — Отсутствие ограждений, изношенное оборудование, несоблюдение норм.

Соколов хмыкнул.

— Это не нарушения. Это норма.

— Норма?

— Да. Наша норма. Ты еще поймешь.

Он отвернулся к окну. Александр вышел, чувствуя, как внутри все сжалось. Мария поняла: этот человек не враг. Он просто устал бояться.

Глава 4. Библиотека

Техническая библиотека комбината занимала три комнаты на третьем этаже административного корпуса. Пахло старой бумагой, пылью и чем-то сладковатым — не то клеём, не то плесенью. Александр стоял перед дверью с табличкой «Читальный зал», одёргивая пиджак. Галстук душил, и Мария в очередной раз подумала, что мужская одежда создана для пытки.

Библиотекарша, сухая женщина с седыми волосами, собранными в тугий пучок, встретила его с подозрением.

— Вам что? — спросила она, не поднимая головы от картотеки.

— Мне нужны квартальные отчёты за последние три года, — произнёс Александр ровным голосом. — Для анализа.

— А вы кто?

— Инженер по технике безопасности. Смирнов.

Женщина подняла глаза, оглядела его с ног до головы.

— Документы.

Александр протянул удостоверение. Библиотекарша долго его разглядывала, потом вздохнула, достала связку ключей.

— Идите за мной. Только учтите: выносить ничего нельзя. И не курить.

— Я не курю.

— Все так говорят.

Они прошли в дальнюю комнату, где вдоль стен стояли стеллажи с папками. Полки уходили под потолок, и на верхних ярусах лежал толстый слой пыли — сюда явно давно никто не заглядывал.

— Квартальные отчёты — вон там, — библиотекарша указала на шкаф в углу. — С 1985 по 1988. Изучайте. Но учтите: если что-то пропадёт, отвечать будете вы.

Она развернулась и вышла, оставив его одного. Где-то в глубине комнаты тикали часы, и этот звук казался зловещим.

Александр открыл шкаф. Папки были тяжёлыми, с завязками, потрёпанными. Он вытащил отчёт за третий квартал 1987 года, сел за стол и начал листать.

Цифры.

Мария читала их как код, который нужно взломать: плановые показатели, фактические, отклонения, проценты. Она выискивала аномалии — быстро, цепко, как в 2041 году выискивала бы ошибки в алгоритмах.

И она их нашла.

Расход сырья — 112 процентов от плановой нормы. Отходы — 3,2 процента. Выбросы — в пределах допустимых.

— Не сходится, — прошептал Александр. — Если расход 112 процентов, то отходы должны быть минимум 18. А здесь 3,2. Куда делось?

Он достал из кармана блокнот, начал записывать. Потом взял отчёт за следующий квартал. Потом ещё один. Закономерность повторялась: расход завышен, отходы занижены. Разница уходила в никуда.

Точнее, в факел.

Александр откинулся на спинку стула. В висках пульсировала боль — от напряжения или от душного воздуха. Мария знала, что это значит. Приписки. Занижение норм. Экономия на бумаге, которая оборачивается отравленным воздухом.

Она заметила, что некоторые папки выглядели подозрительно чистыми — корешки не замусолены, страницы не помяты. Зато другие были затрёпаны так, словно их листали по

десять раз в день. Отчёт за 1987 год выглядел как новенький, хотя по логике должен был быть самым затёртым — его брали чаще всего.

«Кто-то заметал следы», — подумала Мария.

Ей нужно было больше данных. Александр открыл отчёт за 1985 год. Потом за 1986-й. Та же картина. Система работала годами.

В этот момент скрипнула дверь. Александр вздрогнул, обернулся. На пороге стояла библиотечарша.

— Вы ещё здесь? — спросила она.

— Да. Изучаю.

— Уже шесть часов. Библиотека закрывается.

Александр посмотрел на часы. Действительно, шесть. Мария не заметила, как пролетело время.

— Я могу прийти завтра?

— Можете. Но учтите: завтра — короткий день. До трёх.

— Хорошо.

Он собрал папки, вернул на место. Библиотечарша наблюдала за ним с тем же подозрением.

— Вы что-то ищете? — вдруг спросила она.

— Анализирую структуру расходов.

— Ну-ну, — женщина поджала губы. — Только знайте: не все здесь любят, когда копаются в старых бумагах.

Александр замер.

— Вы о чём?

— Ни о чём. Просто предупреждаю. В прошлом году один дотошный инженер тоже интересовался отчётами. Теперь работает дворником в автотранспортном цехе.

Она развернулась и вышла, не дожидаясь ответа. Александр остался стоять с папкой в руках. Слова библиотечарши прозвучали как предостережение — не угрожающее, а усталое, обречённое.

Дворник в автотранспортном цехе, — повторила про себя Мария. — Вот что бывает с теми, кто задаёт вопросы.

Но она не могла остановиться. Слишком многое было поставлено на карту.

Вечером, в общежитии, Александр сел за стол и открыл блокнот. Мария записала на новой странице: «Приписки. Расход завышен, отходы занижены. Разница — в факел. Подтверждено отчётами за 1985–1987».

Потом подумала и добавила: «Осторожно. Мной уже интересуются. Прецедент: инженер, копавшийся в отчётах, переведён в дворники».

Она закрыла блокнот, подошла к окну. Факел горел за крышами, оранжевый, неровный, как сердце, которое бьётся с перебоями.

Я не повторю его судьбу, — подумала Мария. — Я пойду дальше. Но нужно быть осторожнее.

Глава 5. Кабинет с видом на факел

Вызов пришёл утром. Секретарша вошла в кабинет Соколова и положила на стол записку:

— Смирнов, вас директор ждёт. В одиннадцать.

Соколов даже не поднял головы, только хмыкнул:

— Ну вот, началось.

Александр взял записку. Плотная бумага, водяные знаки. Мария отметила: в 2041 году такие вещи давно исчезли. Он посмотрел на часы — до встречи сорок минут.

Эти сорок минут он провёл, пытаясь унять дрожь в руках. Перебирал бумаги на столе, смотрел в окно, трогал узел галстука — тот снова душил. Мария прокручивала в голове вопросы, которые может задать Романов: о прошлом Александра, о его планах, о вчерашнем визите в библиотеку. Нужно быть готовой ко всему.

Он вышел из отдела, поднялся на четвёртый этаж. Приёмная директора была просторной, с ковровой дорожкой и большим фикусом в углу. Пахло полиролью для мебели и едва уловимо — дорогим одеколоном.

Секретарша кивнула:

— Проходите. Дмитрий Сергеевич ждёт.

Кабинет Романова был больше, чем ожидал Александр. Панорамное окно во всю стену, из которого открывался вид на факел — тот самый, что не давал покоя всему городу. Портрет Горбачёва на стене. Массивный стол с бумагами, селектор, несколько телефонов. На краю стола — фотография в деревянной рамке, повёрнутая под углом, чтобы видеть только хозяину кабинета. Но Мария уловила краем глаза: на снимке — женщина с девочкой.

Романов сидел за столом. Молодой, лет тридцати пяти, в сером костюме, который сидел на нём безупречно. На лацкане — значок депутата. Он не поднялся, только жестом указал на стул:

— Садитесь, Александр Петрович.

Александр сел. Романов смотрел на него, не мигая. Пауза затянулась, и в этой тишине Мария слышала, как тикают часы на стене — громко, навязчиво.

— Мне доложили, что вы вчера посетили техническую библиотеку, — начал он. — Что вы там искали?

— Изучал квартальные отчёты, — ответил Александр. — Для анализа структуры расходов.

— Похвально. Но у нас есть плановый отдел. Ваша задача — техника безопасности.

— Техника безопасности начинается с понимания технологического процесса.

Романов улыбнулся. Уголки губ дрогнули, но глаза остались внимательными, изучающими.

— Вы, я вижу, из тех, кто любит копать глубже, чем нужно. Это опасное качество.

— Опасное для кого?

— Для вас, Александр Петрович. Для вас.

Он откинулся на спинку кресла, взял со стола карандаш, начал вертеть в пальцах. Этот жест показался Марии нервным, хотя Романов явно старался держаться уверенно.

— Я хочу дать вам совет. Не лезьте в то, что вас не касается. На заводе есть свои порядки, свои правила. Вы человек новый, вам нужно освоиться. Не создавайте себе проблем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.